

Е. М. Новожилова

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

(на примере вепсов Ленинградской области)

В данной статье сделана попытка проследить произошедший за последнее время сдвиг в отношении вепсов к своему языку и сложившейся языковой ситуации и определить, насколько изменение субъективной оценки в данном случае влияет на языковое поведение вепсов и на перспективы сохранения вепсского языка.

Материал, использованный в статье, собирался на территории проживания средних и южных вепсов, в Бокситогорском, Тихвинском и Лодейнопольском районах Ленинградской области, в 1993, 1999 и 2000 годах. Работа проводилась в небольших деревнях, находящихся на значительном расстоянии от райцентров. В этих деревнях проживают в основном люди старше 60 лет, вышедшие на пенсию; именно эти люди и используют в качестве основного языка общения свой родной вепсский язык. Летом в деревню приезжают их дети и внуки, живущие в городе, а также дачники, не знающие вепсского языка. Таким образом, наблюдается ситуация, которую можно назвать «сезонным двуязычием»: вепсский язык активно используется небольшой группой стариков, постоянно проживающих в деревне; при появлении родственников, основным (или единственным) языком которых является русский, носители вепсского языка также переходят на русский язык.

Основным методом сбора материала было интервьюирование местных жителей. Экспедиции были комплексными: помимо вопросов, связанных с бытованием вепсского языка и отношением к языку, задавались также вопросы о вепско-русских отношениях, традиционной картине мира, традиционных и современных методах ведения хозяйства, отношении информантов к происходящим в обществе переменам, мнении относительно перспектив развития территории их проживания и сохранения вепсов как отдельной этно-языковой группы. В 1993 году проводился социолингвистический опрос с использованием закрытого опросника, результаты которого также использованы в данной работе.

В статье рассматриваются следующие проблемы:

1. Отношение вепсов к собственному народу и оценка его современного положения.

2. Отношение к вепсскому языку и оценка языковой ситуации (статус языка, степень его использования, отношение к людям, использующим / не использующим язык, оценка возможностей, связанных с владением вепсским языком).

3. Оценка перспектив развития народа и языка.

Сравнение материалов 1993 и 1999–2000 годов показало, что за этот небольшой промежуток времени произошли значительные сдвиги в отношении вепсов к своей культуре и традициям, в осознании себя как единого и отдельного народа, в повышении престижа вепсского языка. При этом оценка языковой ситуации и перспектив развития вепсской народности не претерпела значительных изменений. Рассмотрим подробнее субъективные представления вепсов, касающиеся интересующей нас темы.

Исследователи признают, что этническое самосознание малых прибалтийско-финских народов, живущих на территории Ленинградской области и в Карелии, часто недостаточно выражено (Хрущев и др., 1996. С. 42; Sarhima, 1999. С. 237). Длительная история взаимовлияния русских и вепсов, постепенная ассимиляция последних, негативные стереотипы, сложившиеся в отношении малых народов, привели к тому, что вепсы часто называли себя русскими, признавая при этом свое происхождение из вепсской деревни. Из 53 информантов-вепсов, опрошенных в 1993 году, 21 человек назвал вепсов частью русского народа, 28 человек утверждали, что это отдельный народ, трое — что раньше («при колхозах») это был отдельный народ, а теперь он сливается с русским, один — что это «смесь», и один — что «вепсы — часть народа, но не русского». При опросе 1999 и 2000 годов все информанты без исключения признавали вепсов отдельным народом.

Важную информацию об этническом самосознании дает вопрос о записи в паспорте. Многие вепсы старшего и среднего поколения, записавшиеся в свое время русскими, сейчас жалеют об этом. Однако при этом на вопрос, чем отличаются вепсы от русских, информанты отвечали, что ничем, кроме языка. Необходимо заметить, что язык в данном случае действительно является основным показателем принадлежности к этнической группе, серьезно превосходя в этом отношении такой фактор, как родственные связи: своих детей, не владеющих вепсским языком, вепсы считают русскими, особенно если те уехали в город¹.

Суждения наших информантов о том, как вепсы в целом относятся к собственному народу и языку, достаточно противоречивы: «Я не знаю ни одного вепса, который бы стеснялся того, что он вепс», — утверждает молодая женщина, которая считает себя вепсянкой, несмотря на

то что ее отец русский и языка она не знает. Она же примерно через полчаса беседы говорит: «Столько ребят стесняются <...> Брось клич — кто здесь вепс? Кто выйдет? Скажут: “Да я же здесь тридцать лет прожила, какой из меня чухарь, я уже русская. И это приживается”».

Оценка информантами современной ситуации и перспектив сохранения вепсов как отдельного народа крайне негативная, что частично соответствует реальному положению вещей. Экономическая ситуация на исконных территориях проживания вепсов очень тяжелая: после роспуска совхозов мало кому удастся наладить собственное хозяйство, виной чему тяжелые природные условия, отсутствие развитой инфраструктуры, рынков сбыта. Все это приводит к массовым миграциям молодежи из деревень. Этот факт четко осознается самими вепсами, и утверждение о том, что вепский язык скоро умрет, часто обосновывается именно тем, что молодые все уедут, а старики умрут.

Гораздо больше оптимизма в оценке культурного развития вепских деревень. В 1993 году вопрос о том, интересуется ли информантов вепская культура, вепское народное творчество, скорее вызывал недоумение: жители вепских деревень просто не представляли, о чем идет речь. Сейчас вепсы с воодушевлением рассказывают о вепских сказках, частушках, о созданных фольклорных коллективах, о праздниках, в которых участвовали или о которых слышали от других. Характерно мнение одной из вепсянок: «Мы раньше по-вепски не пели, все по-русски пели. А теперь приезжают, интересуются, так мы вспомнили».

Довольно большой объем информации, связанной с отношением вепсов к родному языку и перспективам его развития, дают ответы на вопрос о необходимости обучения детей вепскому языку / обучения на вепском языке. В 1993 году 16 информантов из 53 хотели бы, чтобы их дети получили образование на вепском языке, 3 информанта — и на русском, и на вепском. В настоящее время в этом вопросе также нет единого мнения. Большинство людей старшего поколения отвечают на этот вопрос отрицательно, считают, что дети должны учить русский язык, а вепский им ничего не даст. Другие соглашаются с необходимостью учить детей вепскому языку, но только при условии знания ими русского. Информанты среднего возраста (в основном женщины 30–40 лет) считают изучение вепского языка необходимым не только для вепсов, но и для русских. Можно даже отметить такую закономерность: чем хуже информант знает вепский язык, тем с большей горячностью он отстаивает необходимость его изучения. Равнодушие старшего поколения объясняется прежней политической государственной: «Вепский язык нужен, просто их (старшее поколение. — *Е. Н.*) так воспитывали: “Мы — великая нация русских”». Интересно, что в 1983 году при обследовании вепского сельского населения, проводимом под руководством З. И. Строгальщиковой, было отмечено, что младшее поколение занимает более активную позицию в вопросе сохранения вепского языка и культуры. Среди молодежи 18–29 лет

было вдвое больше тех, кто высказался за изучение языка, нежели тех, кто был против (Строгальщикова, 1989. С. 41). Именно представители этого поколения продолжают и через двадцать лет высказываться за изучение языка своих родителей, за возрождение вепсской культуры. Представители младшего поколения в настоящее время уже скорее равнодушны к этому вопросу и, хотя не имеют ничего против вепсского возрождения, сами предпочитают оставаться в стороне, считая себя русскими. Исключения составляют единицы, изучающие вепсский язык в Петрозаводске и Санкт-Петербурге.

Большое влияние на негативную оценку языка и его статуса оказывает распространенное среди носителей представление о том, что вепсский язык *беднее* русского и что его использование возможно только при обсуждении ограниченного круга тем. Другой стереотип — уверенность в том, что вепсский язык гораздо *проще* русского и выучить его очень легко; эта уверенность объясняется обычно большим количеством русских заимствований и отсутствием в вепсском языке категории рода. Однако на вопрос, возможно ли перевести административные документы на вепсский язык, обычно отвечают положительно, и некоторые даже уверены, что в 1930-х годах такие документы на вепсском языке существовали.

Показательно отношение вепсов к владению соотечественниками вепсским языком. Считается естественным, что молодежь и люди среднего возраста, живущие в городе, не знают вепсского. Это общепринятое мнение, и постоянные жители деревни никогда не пытаются выяснить, владеет ли приезжий вепсским языком на самом деле, сразу переходя на русский язык в его присутствии. Но если человек моложе 40 лет говорит по-вепски, этим явно гордятся, его ставят в пример, удивляются, что такой молодой, а знает их язык. При этом такие люди воспринимаются не столько как «свои», сколько как «городские», «грамотные» (что отчасти соответствует действительности, поскольку молодежь учит вепсский язык чаще всего только в Петрозаводском университете). Очень гордятся также людьми, сочиняющими частушки или песни по-вепски (такие появились в последнее время).

Оценка возможностей, предоставляемая тем или иным языком, — один из важнейших факторов, определяющих языковое поведение, особенно языковое поведение родителей в отношении детей. Вепсы старшего поколения, родным языком которых был вепсский, говорили со своими детьми по-русски с самого рождения, мотивируя это необходимостью свободного владения русским языком для получения хорошего образования и работы.

Однако за последние годы ситуация изменилась. Престиж вепсского языка повысился в результате осознания вепсами его близости к финскому, эстонскому, карельскому языкам, возможности взаимопонимания. Вепсы старшего поколения начали гордиться количеством известных им

языков (притом что вепско-русское двуязычие никогда не было предметом гордости). Кроме того, если раньше русский язык воспринимался как необходимый для карьерного роста, то теперь он является родным языком для большинства молодых вепсов, и нет опасности, что знание вепского языка повредит изучению русского. Вепский же язык, наоборот, начинает восприниматься как язык, знание которого может способствовать получению хорошей работы в новых условиях (при развитии контактов с представителями родственных народов за рубежом).

Каковы же причины произошедших за последние годы сдвигов в отношении вепсов к своему языку и культуре? Изменение официальной политики государства по отношению к этническим и языковым меньшинствам хотя и не повлекло за собой реальных мер, направленных на восстановление экономики на территориях проживания вепсов, на создание необходимой инфраструктуры, все же имело свои последствия. Активизировалась деятельность научных и местных административных учреждений, возрос интерес к проблемам вепской культуры. Появились публикации в газетах и сюжеты по телевидению, посвященные вепсам, появилась газета на вепском языке, вепские фольклорные ансамбли, несколько школ с преподаванием вепского языка. Все эти меры практически не затронули жителей большинства деревень Ленинградской области, в которых нет школ, а зачастую и постоянных магазинов и почты. Однако даже отрывочные сведения о произошедших переменах повлияли на отношение местного населения к своему языку и традициям, приведя к укреплению этнического самосознания. Создание кафедры карельско-вепской филологии в Петрозаводском университете, начало набора студентов-вепсов на факультет народов Крайнего Севера Российского государственного педагогического университета также привели к поднятию статуса вепского языка.

Очень большое влияние на увеличение престижа вепского языка оказала появившаяся возможность контактов с представителями других прибалтийско-финских народов, в первую очередь с финнами.

Таким образом, необходимость сохранения вепского языка осознается и обосновывается, с одной стороны, желанием сохранить культуру своего народа, а с другой — тем, что вепский язык в современных условиях может оказаться полезным как язык, близкий финскому, эстонскому и др.

Несмотря на происходящий в последнее время процесс изменения отношения к собственному народу и языку, прогнозы самих информантов относительно сохранения вепского языка остаются весьма неутешительными, ему предрекают гибель, уверяя, что «язык этот конченный», и от него ничего не останется со смертью стариков. Представители среднего поколения, наиболее заинтересованные в сохранении вепского языка и культуры, осознают, что сами владеют вепским языком не в полной мере и не способны научить ему детей. Часто можно услышать

о том, что вепсский язык «здесь уже забылся», а вот «там» (места называются всегда разные) ситуация лучше. «Да вепсский язык — это все уже, считается, что потерялся. <...> В Винницком районе, у Лодейного Поля, есть, а больше нигде нет», — говорили в Корвале, где, по оценкам информантов других деревень, «и есть самые вепсы».

Оптимистических прогнозов мало, и они звучат довольно неуверенно. Видя причину постепенного исчезновения вепсского языка в политике советской власти и в отношении со стороны русских, вепсы не представляют себе возможности возрождения своей культуры и языка без помощи государства. Государство в сознании многих вепсов отождествляется с «русскими», которые не желают изменить свое отношение к их народу. Некоторые информанты отмечают слабость этнического самосознания и признают, что для возрождения вепсского языка необходимо, чтобы вепсы осознали себя отдельным народом, имеющим право на существование и уважение со стороны других. Однако и эти люди считают, что сами они не в состоянии ничего изменить. «Среди вепсов есть много людей, может быть, и у власти. Нужно полюбить свой язык. Каждый вепс должен осознать: “Я — вепс!” Вот я — хочу, но у меня нет таких возможностей. Я бы ночами учила вепсский, но нет денег на открытие факультатива». Надо отметить, что, несмотря на желание учить вепсский ночами, информант не знает языка, ссылаясь на недостаток языковой практики (притом что ее мать свободно говорит по-вепски).

Итак, за последние годы произошли заметные сдвиги в отношении людей к вепсскому языку и культуре. Однако языковая ситуация на территориях проживания вепсов не улучшается, а, наоборот, имеет тенденцию к ухудшению. Могут ли в такой ситуации субъективные представления, оценки, мнения повлиять на развитие событий, остановить процесс ассимиляции вепсского народа, исчезновения языка?

При оценке перспектив того или иного языка на выживание всегда учитывается ряд объективных факторов — демографических, политических, культурных, лингвистических. Во внимание принимается история этноса, экономическое развитие территории, статус языка и т. д. В 1977 году Х. Джайлс, Р. Борхис и Д. Тайлор ввели понятие «этнолингвистической жизнеспособности» (*ethnolinguistic vitality*) — фактора, характеризующего группу, способную выступать в качестве отдельной активной единицы при общении с другими группами. Демографические характеристики, социальный статус и степень институциональной поддержки были выделены как основные факторы, влияющие на «объективную этнолингвистическую жизнеспособность» (*objective ethnolinguistic vitality*). Однако исследователи признают, что одним из самых важных факторов является субъективное восприятие своего языка носителями, их желание или нежелание сохранять его, наличие или отсутствие веры в необходимость его существования. Важным моментом также является степень восприятия группой своего языка как жизнеспособного — то, что

Х. Джайлсом и его коллегами было названо «субъективной этнолингвистической жизнеспособностью» (subjective или perceived ethnolinguistic vitality) (Evans, 1996. С. 179). По мнению Р. Алларда и Р. Лэндри, исследовавших отношение к языку и его перспективам среди франкоговорящих жителей Квебека и предложивших свою схему исследования субъективных оценок сложившейся языковой ситуации, представления людей о степени жизнеспособности языка с довольно большой точностью отражают реальное положение дел. Результатом их исследования стал также вывод о том, что то, как люди оценивают перспективы своего языка, напрямую влияет на его использование, то есть на увеличение или сокращение сети языковых контактов. Последнее косвенным образом отражается на этнолингвистической жизнеспособности в целом (Allard, Landry, 1992. С. 192).

Таким образом, очень важными является изменение отношения к языку, рост его престижности, поскольку даже при неблагоприятных объективных условиях язык, воспринимаемый носителями как необходимый и жизнеспособный, имеет возможность стабилизации. Другой вопрос, возникающий в конкретной ситуации бытования вепского языка, — не слишком ли поздно начало меняться отношение вепсов к своему языку, есть ли шанс, что позитивные установки на изучение и использование вепского языка приведут к изменению языкового поведения?

В 1950–70-е годы именно отношение вепсов к своему языку, осознание его «бесперспективности» и необходимости русского языка для получения образования и хорошей работы стало основной причиной перелома в судьбе вепского языка: многие родители-вепсы начали говорить по-русски со своими детьми, стремясь облегчить их дальнейшую жизнь. В настоящее время представители старшего поколения, владеющие вепским языком, чаще всего сохраняют привитое им в молодости убеждение в «ненужности» своего языка и предпочитают не использовать его в присутствии детей и внуков. Даже информанты, гордящиеся своим двуязычием, способностью понимать финнов, не стремятся научить внуков своему языку, считая, что в городе, в русском окружении, они все равно его забудут. Представители среднего поколения настроены, наоборот, на необходимость изучения вепского языка. Однако осознание важности изучения вепского языка не меняет языкового поведения представителей среднего поколения (и изменить не может, поскольку языка они в основном не знают или знают в объеме, недостаточном для передачи его детям). Проблема заключается также в том, что представители младшей возрастной группы, выросшие в городе, уже не чувствуют себя вепсами. Хотя, как уже отмечалось выше, есть исключения — молодые люди, поступившие в вузы Санкт-Петербурга и Петрозаводска с целью выучить вепский язык.

Приходится констатировать, что в настоящее время изменившееся отношение к вепсскому языку не влияет напрямую на языковое поведение вепсов. Однако повышение престижности вепсского языка вкуче с осознанием вепсской общностью происходящего языкового сдвига могут в дальнейшем привести к более настойчивым действиям представителей среднего поколения по обучению своих детей и внуков вепсскому языку. Одна из возможностей обучения — школы с вепским языком, которых мало, и вепсский язык там преподается в лучшем случае как иностранный, иногда — в качестве необязательного факультатива. Более эффективной стала бы, возможно, попытка изменить отношение к важности и жизнеспособности вепсского языка у представителей старшего поколения, убедить их в необходимости передачи его потомкам.

Примечания

¹ Это соотносится и с результатами социолингвистического опроса, проведенного еще в 1970-е годы среди северных вепсов. Опрос показал, что в качестве основного этнического идентификатора вепсы называют язык; на втором месте — родная земля, то есть вепсом считается человек, в первую очередь владеющий языком, а во вторую — живущий в родной деревне (Кожанов, 1976. С. 190).

Литература

- Кожанов А. А.* Элементы этнической идентификации и признаки этнической общности в оценках карел и вепсов // *Этнография Карелии*. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1976. С. 108–204.
- Строгальщикова З. И.* Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // *Проблемы истории и культуры вепсской народности*. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1989. С. 27–42.
- Хрущев С. А., Клоков К. Б., Моисеева В. М., Петина О. В.* Современные этнодемографические процессы у малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. Этногеографические исследования. Вып. 2. СПб.: НИИГ СПбГУ, 1996. 48 с.
- Allard R. and R. Landry.* Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss // *Maintenance and Loss of Minority Languages. Studies in Bilingualism 1*. Ed. by W. Fase, K. Jaspaert, Sjaak Kroon. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 171–196.
- Evans C.* Ethnolinguistic Vitality, Prejudice, and Family Language Transmission // *The Bilingual Research Journal*. 1996. V. 20, № 2. P. 177–207.
- Sarhima A.* Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes. Focus on Karelian-Russian language alternation. *Studia Fennica. Linguistica 9*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 342 p.